

В. Н. ПЕРЕТЦ

Академическое издание Моления Даниила Заточника

Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. и их переделкам. Приготовил к печати Н. Н. Зарубин. (Академия Наук СССР. Памятники древне-русской литературы, вып. 3). Ленинград, 1932, 8°, XVI + 166 стр. + XIII снимков. Ц. 10 р.

Слово Даниила Заточника не раз издавалось, и работа автора настоящего издания была значительно облегчена наличием обширной литературы, посвященной этому загадочному произведению начальных лет русской литературы феодального периода. Но все издания этого памятника — и это следует признать — не отличались совершенством, а к тому же давно стали библиографической редкостью. Наконец, в последние годы, по выходе в свет издания И. А. Шляпкина и даже П. Миндалева, были обнаружены новые, неизвестные ранее списки Слова и его переделок. И сам по себе, и его окружение, эпоха, которой он обязан появлением, непонятность некоторых мест — все это привлекало к памятнику внимание исследователей; и тем более делало его интересным, что он представляет, если не в целом, то в частях, пример старейшего в нашей литературе сатирического памятника. Все это делает издание Н. Н. Зарубина весьма своевременным, и можно быть признательным Академии Наук, издавшей Слово в первую очередь, после первых выпусков, заключавших в себе сказания о Борисе и Глебе и житие Авраамия Смоленского.

План издания следующий: вслед за кратким введением, на котором мы далее остановимся, идут тексты:

I. «Слово» Даниила З. в «основной», по мнению издателя, «редакции XII в.»; переделка ее — «Слово о мирских притчах и о бытеевских вещах». Первое издано по рукописям: Кирилло-Белозерской № 43/1120, начала XVII в., Толст. III, № 73, XVII в., Копенгагенской корол. биб. № 553, XVII в., акад. Н. К. Никольского, XVII в., Барсова № 1775, втор. пол.

XVII в.; «Слово о мирских притчах» издано по спискам: Погодинскому № 1315 и Владимирского гос. Областного музея № XII/249; оба они относятся также к XVII в.

II. «Послание Даниила З.», иначе — «Моление», издано «по основной редакции XIII в.», по рукописям: Чудовского мон. № 53/355, XVII в., и Ундольского № 195, XVI в., а также по двум переделкам этой редакции: 1) по списку Соловецкой библиот. № 913, втор. пол. XVI в.; собрания Тихомирова № 379, втор. пол. XVII в., и акад. Н. К. Никольского XVII в.; 2) по рук. Воронежского музея № 2, XVII в., и Забелина № 464 (540), последней четв. XVII в.

В «Приложениях» к этой основной части книги находим: 1) «Слово Даниила З., отнесенное к «основной ред. XIII в.» из рук. Гос. Публ. библиот. О. XVII, № 14, XVI в., найденное В. Ф. Покровской уже во время печатания книги; 2) таблицы соответствий между редакциями XII в. (Академической) и XIII в. (Чудовской) издаваемого памятника; 3) указатель слов, встречающихся в издаваемых списках памятника и его переделок; 4) снимки, которые дают наглядное представление о рукописях; они исполнены в натуральную величину. В заключение — несколько поправок.

Я нарочно остановился на перечне рукописей, послуживших для настоящего издания. Одни из них давно уже известны исследователям, другие — являются новинкой и печатаются впервые. Это придает особое значение рассматриваемому изданию: такого обширного материала мы не встречаем ни в одном предшествующем.

Текстам предпослано «Введение», в котором, кратко описаны списки издаваемых текстов, с добавлением некоторых замечаний — о значении «Слова» (стр. I), свод мнений об авторе (стр. II—III) и адресатах «Слова» и «Моления» (IX), об отношении переделок к текстам, признаваемым за «основные» (стр. VIII, XI, XIII), указание на собранные предшественниками издателя источники и параллели к «Слову» и «Молению» (стр. XV) и правила издания текстов (стр. XV—XVI). Издателем исчерпана большая библиография вопроса о Данииле З. и ему приписываемом произведении, с ничтожными, но довольно досадными пропусками. Так Н. Н. Зарубин совершенно обходит молчанием высказывания акад. В. М. Истрина в его «Очерке истории древне-русской литературы домосковского периода» (1922, стр. 228 и след.), акад. М. С. Грушевского в его «Історії української літератури» (1923, стр. 220—232), хотя эти высказывания стали известны задолго до начала печатания рассматриваемого «Введения». Из старых авторов совершенно обойден Голубинский. да и не он один. Впрочем,

имея обзор литературы о Данииле З. в труде П. Миндалева («Моление» Даниила З. и связанные с ним памятники, Казань, 1914), можно было бы и не жалеть, что Н. Н. Зарубин не повторил такой работы, если бы труд Миндалева отличался полнотой; к сожалению, то, что опущено Миндалевым, не нашло себе отражения и в труде Зарубина, как мы увидим ниже. Если для начала нужна была общая характеристика значения «Слова», то можно было бы найти лучшую, чем заимствуемая у Шляпкина и цитируемая на первой странице. В итоге — получилось Введение, непохожее на обстоятельные библиографические обзоры, вводящие в изучение памятника, и вместе с тем — не отвечающее современным требованиям науки литературоведения. И описания рукописей, из которых почерпнуты тексты «Слова», «Моления» и их переделок, оказались беглыми и не дающими представления о том, в каком окружении сохранились издаваемые памятники. А это — не безразлично для историка, ибо обычно статьи, входившие в состав сборников, имели на себе отпечаток тенденции их составителей.

Мы остановились так внимательно на Введении потому, что оно должно давать читателю «ключ» к пониманию не только приемов издания, но и к пониманию издаваемого памятника. Так думал когда-то Шляпкин, и его соображения остаются для нашего времени не только непоколебленными, но еще более основательными. Мало того, во Введении мы желали бы видеть не только справочный материал, ориентирующий читателя, но и результат работы издателя, который должен был показать главное в историко-литературном труде: движение в истории самого памятника (известного издателю в многочисленных списках и переработках), и движение в истории издания и изучения памятника учеными с момента его открытия до нашего времени. Ничего этого во Введении Н. Н. Зарубина нет, а между тем это было бы весьма нетрудно сделать, обладая подготовленным библиографическим материалом: ведь о памятниках, связанных с Даниилом З., писано немало. И если ранее, в двух предшествовавших выпусках «Памятников», вышедших более 15 лет тому назад издатели могли ограничиться лишь перечнем и характеристикой списков издаваемого текста, то теперь уже этого недостаточно, особенно в данном случае, где имеется обширная подготовленная литература о «Слове» и «Молении». Изданиям Академии Наук нельзя являть собою какую-то, хотя бы и почетную, окаменелость.

Такое отсутствие критически мотивированной оценки работ предшественников привело Н. Н. Зарубина к тому, что он принял, вопреки мнению наиболее авторитетных из них, обновленное Миндалевым старое

мнение о редакциях «XII» и «XIII» веков, — безо всякой мотивировки и, казалось бы, вопреки очевидности. Ибо возможно и обратное приурочение редакции — признание ред. XIII в. за более близкую к архетипу, а «ред. XII в.» — за вторичное явление, возникшее может быть, уже в XVI в. Не ограничиваясь ссылками в подстрочных примечаниях, издатель обязан был дать мотивировку, почему он предпочел старое распределение редакций. Я лично примыкаю ко мнению А. И. Ляценка, дважды им обоснованному, что старшая ред. памятника относится не к XII в., а к XIII в. и написана в 1220-х гг. (кн. Ярослав Всеволодович, которому адресовано «Послание» или «Моление», жил между 1191 и 1246 гг. и был князем и в Новгороде и в Переяславле Южном). Очевидно, что при этом говорить о памятнике, будь то «Слово» или «Моление», как о возникшем в XII в., не представляется возможным.

Уже тот факт, что «Слово» (будто бы написанное в XII в.) адресовано весьма темно, — что не скрылось от внимания Н. Н. Зарубина (стр. III), — свидетельствует о том, что оно не первично, а является вторичною ступенью в истории памятника; о том же говорят и анализ переделок. Мне кажется, что ни один из списков не только не представляет собою архетипа, но даже и близкой к нему копии с первичной редакции; «Послание» или «Моление» — ближе к ней, что видно из сличения текстов, а «Слово» — осложнено интерполяциями, не всегда прочно связанными с ядром его; из них особенно бросаются в глаза параграфы, начиная с XXXVII списка А, не говоря уже о замеченной и отдельно напечатанной вставке в сп. Н — об Иосифе Прекрасном. Эту первичную редакцию можно попробовать реконструировать на основе «Моления» с привлечением других текстов.

Обращаясь к соотношению между списками той редакции памятника, которую Н. Н. Зарубин относит к XIII в., и считает позднейшей, мы позволяем себе высказать мнение, что издатель допустил неосторожность, взяв за основной текст Чудовской рук.: во многих местах список Ундольского дает лучшее чтение, свидетельствующее о большей его близости к архетипу. Достаточно взглянуть на оба списка, чтобы убедиться в этом: Унд. «яко злато в калне сосуде», а в Чуд. «в полне сосуде», что совершенно бессмысленно. Или: Унд. «а богатъ несмыслен аки паволочито возголовие, соломою наткано», в Чуд. «а убогъ несмыслень аки солома во грязи втоптана»; Унд. «Дивья бо за буяном кони настити», а Чуд. «Дивья бо за дивьяком»; Унд. «Тако и Бояк судивый и победи Угры у Галича», Чуд. «Тако и Бокъ судивый хитростию и побѣдив Угры и галичь». В § XLI Чуд. упоминает о Боголюбове, Белоозере, Лаче, и в связи с этим получается

гра слов, которой нет в Унд. и которую мы считаем интерполяцией. Также Чуд. перепутаны имена философов в § I, тогда как в Унд. они исправнее. М. также в § XX Чуд. = § XXXII Унд., § LI в Чуд. и Унд. и др. В этом отношении я расхожусь с мнением А. И. Ляценка, считавшего список Чуд. более близким к архетипу.

Самый способ издания, примененный Н. Н. Зарубиным к текстам, связанным с Даниилом З., заслуживает внимания. Издатель выбирает основной список, к которому в примечаниях собирает варианты из других списков; но кроме того, он тут же, внизу страницы, помещает и каждый список, использованный для вариантов. Таким образом читатель имеет перед глазами и обработку, произведенную издателем, и материал, им использованный. Конечно, не для всех памятников этот способ, громоздкий и неэкономный, пригоден. Но зато он дает возможность проверить работу издателя. Кроме того весь памятник разделен издателем на параграфы, что облегчает ссылки и установление соотношения между редакциями и переделками. Впрочем, это соотношение установлено издателем в прилож. 2-м.

По поводу такого способа печатания памятника может быть высказано соображение, что, печатая полностью все его списки, может быть, не стоило бы повторять их в вариантах или наоборот; что можно было бы вместо этого, при наличии напечатанных полных списков, дать реконструированное чтение обеих редакций. А что текст, даже при наличности всех имеющихся списков, требует кое-где исправления несомненных опечаток, бывших в их оригинале, — свидетельствует, напр., такое место «Слова», не раз обратившее на себя внимание: «азъ всѣми обидимъ есмь, зане ограженъ есмь страхом грозы твоя, яко оллотом твердым» (стр. 7): ясно, что в м. зане следует читать зане не; срв. в «Молении» (стр. 55) «зане не оградимъ» и т. д. Кое-где нам кажется неправильною интерпункция, принятая издателем; напр. возможно ли такое чтение: «и бысть умъ мой, аки нощный вранъ на нырищи, забдѣх; и расыпаса животь мой . . .»; сочетание аористов «бысть . . . забдѣх» совершенно невероятно; следует читать: «и бысть умъ мой, аки нощный вранъ на нырищи; забдѣх (говорит о себе Даниил З.) и расыпаса животь мой».

Не всегда удачно раскрыты титла: моле следует читать молеве, а не молев. Издатель этого не досмотрел, но зато чрезвычайно строго отнесся к опечаткам старого издания Шляпкина (1885 г.), далеко не совершенного в типографском отношении; он отметил, что в этом изд. напечатано «шолки», в м. рукописного «шолки», (стр. 16), «огня» в м. рукоп. «агня» (стр. 8), «яки» в м. «яко» (стр. 4), лишние две точки (стр. 20), «церква» в м. «церкви» (30),

«бемумному» вм. «безумному» и т. п. Стоило ли ловить чужие опечатки, исправление которых несколько не исправляет текста и не улучшает его?

Бесспорною заслугою издателя является то, что он сделал известными новые тексты памятников, связанных с именем Даниила З., причем опубликовал и переделки, на наш взгляд, правильно определив их оригиналы. Так он напечатал «Слово о мирских притчах и о бытійских вещех» по двум выше названным спискам. Этот памятник, как и другие переделки, важен, как свидетельство о популярности «Слова Даниила З.» и о том, что собственно нравилось старинному читателю в последнем. Только в ряде обработок памятника и подражаний ему особенно отчетливо выступает значение его на том или ином историческом этапе, степень его влияния и роль его идеологии. Вот почему нам кажется несколько странным, почему издатель, остановив свое внимание на «Сл. о мирских притчах», обошел — намеренно или ненамеренно — подражания, наличие которых еще в 1855 г. обнаружил акад. М. И. Сухомлинов, именно «Поучение Кирилла философа брату Варфоломею» и «Поучение от святых книг».

«Поучение Кирилла философа» встречалось нам в рукописях XVI и XVII вв. в нескольких списках. Оно в некоторых частях почти буквально повторяет «Слово» и «Моление», а кое-где перифразирует его, пользуясь готовыми, ходячими оборотами речи. Чтобы не быть голословным, привожу хотя бы такие примеры:

Даниил

«Быхъ яко пчела, падая по различнымъ цвѣтамъ» (см. Сухомлинов, Исследования, 1908, стр. 467 и сл.; Зарубин, стр. 33, 59, 83, 104).

«Юнь возрастъ имѣю, а старь смысломъ; быхъ мыслію яко орелъ, паряй по воздуху» (Сухомлинов; Зарубин стр. 22, 55, 78).

«Не сѣй бо на браздахъ жита, ни мудрости на сердце безумныхъ» (Сухомлинов; Зарубин, стр. 22—23, 25, 65).

«Яко же птица учащает пѣсни свои скоро возненавидима бываетъ». (Сухомлинов; Зарубин, стр. 34, 72 — «частяще», 95).

Поучение Кирилла

«Брате Варфоломѣю, приди ко мнѣ, акы пчела къ цвѣту».

«Буди унъ тѣломъ, по умомъ старь буди, и воструби въ трубу смысла своего . . . Полетая мыслію своею, акы орелъ по воздуху» . . .

«Не сѣй жита на браздахъ, ни мудрости на сердце с безумным» . . .

«Яко же ластовица, частяще пѣсни, отгонить сладость пѣсню» . . .

«Поучение от св. отец» не столь близко связано с «Словом» и «Молением» Даниила З., но и в нем наблюдается влияние этих памятников; приведу такие параллели:

Даниил

«Мужа бо мудра посылай, мало ему кажи; а безумна посылай, самъ не лѣнися по немъ ити» (Сухомлинов; Зарубин, стр. 22—23, 42, 118).

«Аще кто челоуѣка въ печали призритъ, какъ студеною водою напойтъ въ знойный день (Сухомлинов; Зарубин, стр. 12—13, 41, 63).

Поучение

«Чадо, умна пославъ на посольство, немного наказывай, а безумна пославъ, самъ по немъ иди» . . .

«Сыну, аще послушаешь умна челоуѣка, то яко въ день зноя ступены воды нашьепися» . . . (Сухомлинов, стр. 479—481).

Во втором из приведенных нами случаев, в «Поучении», можно, конечно, видеть и непосредственное заимствование из «Повести о премудром Акире», где в наставлениях его Надану читаем: «47. Сыну, аще кто послушает умна челоуѣка, то яко же въ день жаданія студеныя воды напиться» и 54а «Сыну, умна мужа пославъ на путь не много ему кажи, а безумнаго пославъ то самъ по немъ иди» (Григорьев, «Повесть о прем. Акире», 1913, Тексты); но сравним 95а наставление с тем, что имеем в «Слове» и «Молении» (и примем во внимание еще некоторые наставления, которых не встречаем там) — и получим вывод, что «Поучение» заимствовало не непосредственно из «Повести об Акире», а чрез посредство Даниила З. В этом убеждает то обстоятельство, что отмеченные наставления находятся только в славяно-русском переводе «Повести об Акире», — их нет в повестях восточных, их, повидимому, не было и в ее оригинале.

Как бы то ни было, сравнение со «Словом» и «Молением» указанных памятников достаточно ясно указывает их идейную и стилистическую близость к ним. Почему издатель не обратил внимания на эту близость? Не потому ли, что, пользуясь книгою Миндалева, как вождем, он подчинился ее воздействию не только в суждении о редакциях произведений, известных с именем Даниила З., но и положился на точность и исчерпанность его библиографии? О старой, но, как видим, не лишенной значения работе Сухомлинова, ни словом не упомянуто в книге Миндалева. Не знает о ней и Н. Н. Зарубин.

Издавая такой редкий и в своем роде «влиятельный» памятник, следовало бы, на наш взгляд, собрать в полном академическом издании и все

крупницы его, все цитаты и упоминания, как это сделал напр. акад. М. Н. Сперанский, издавая «Девгениево деяние»: он привел и карамзинские выписки памятника из погибшей Мусин-Пушкинской рукописи. То же следовало бы сделать и относительно «Слова» и «Моления» Даниила З. Имеем в виду хотя бы интересное место, цитируемое Ф. И. Буслаевым (Очерки, 1, 37), интересное вдвойне тем, что оно совпадает со «Словом о полку Игореве»:

Моление

« . . . повѣдаху ми, яко той ести
судь божіи надъ мною, и суда де
божія ни хитру уму, ни горазду не
минути».

Слово о полку Игореве

«Тому вѣщей Боянъ и пръвое
припѣвку, смысленый, рече: «ни
хитру, ни горазду, ни птицю го-
разду суда божія не минути».

Буслаев привел эту цитату из «Слова о полку Игореве» в «Слове Даниила З.» из списка последнего памятника, принадлежавшего профессору, позже академику, И. И. Срезневскому. Следовало бы поискать этот список: можно думать, что большая часть рукописей Срезневского поступила в Академическую библиотеку. Если же список остался на руках Буслаева, то его надо искать либо в его собрании, поступившем в Гос. Публ. библ. в Ленинграде, либо среди тех 24 рукописей, которые поступили в библиотеку Московского университета.

Еще случай, указывающий на неизвестный ныне список «Слова» или «Моления» Даниила З.: в 1910 г. С. А. Щегловой была издана «Пчела» по списку б. Киевской Дух. акад. № 531, XVII в. (теперь — во Всенародной библиотеке Украины в Киеве) и указано в ней (стр. 29) изречение, взятое у Даниила, но не встречающееся в известных списках приписываемых ему произведений: «Даниил глаголетъ: не может мудрость быти в сердце безумного». Возможно, что в XVII в. или раньше существовал список Даниила З. с настоящей цитатой. Еще примеры. В рукоп. Библ. Акад. Наук 38. 1. 34 XVII в., на л. 253 читаем — «Данило Заточеникъ рече. Аще что хоцещи створити, напредъ не глаголи, егда не уллучишь, да не поруганъ будещи. Якоже не терпять вода на горах, тако и мудрость на сердцы безумнаго (срв. цитату С. А. Щегловой). Не сѣй жита на браздѣх, ни мудрости в сердцах безумных (срв. Дан. Зат.). Нѣлзе во утлѣ мѣсе жита понести, ни в блуднаго умѣ мудро слово вкладати (срв. Цветы сельные. Розанов, Мат. к ист. русских пчел, стр. 101). Тайны не всѣмъ рцы ни всякому вѣры ими. О князех и старѣйшинах не потыкайся, но опасно блюдися.

На рати нѣлзе слѣщому храбровати, ня грѣшнику по смерти спастися» (срв. Розанов, стр. 101); выше этой цитаты — ряд изречений (лл. 252—253), имеющих отношение и к Дан. Зат., напр.: «Убогий муж мудръ, какъ злато зерно в калыѣ судрѣ лежитъ. Не море топить вѣтри, не сам князъ впадает во злу вещь, но вводятъ его думцы» и т. п. В рукописи той же Акад. библиотеки 45. 6. 9 XVII в. на л. 336 находим такую цитату из нашего памятника: «Даниль заточеник. Хвалятъ ты потаковници твои при животѣ твоём, а по смерти твоей они же посмѣютъ ти ся». Возможно, в рукописях найдутся и другие цитаты, которые следует собрать в научном издании пережившего долгую литературную историю памятника, интересовавшего читателей не менее как пяти столетий.

В приложении 3-м к труду Н. Н. Зарубина находим «Указатель слов, встречающихся в списках „Слова Даниила З.“ по редакциям XII и XIII вв. и их переделкам» (стр. 131—166), занимающий 36 страниц убористого шрифта и чрезвычайно обстоятельный. Нет сомнения, что перечень слов, освещающих словарный состав древнего памятника и дающий возможность определить стилистическое и лексическое отношение его к другим памятникам — вещь весьма полезная, а иногда — прямо необходимая. И потому мы приветствуем такой указатель, как напр. данный акад. В. М. Истриным к его изданию Амартола. Но во всем нужен такт и мера; помещение в такой указатель слов, напр.: а, азъ, акы, безъ, бы, весь, в, до, егда, же, за, и, ибо, иже, како, къ, мой, мы, на, не, ни, но, о, онъ, она, оно, от, по и т. п., встречающихся в массе разнородных и разновременных памятников литературы и ни в малейшей степени не характерных ни для данного писателя, ни для какой-либо стилистической эпохи, — кажется нам излишним педантизмом, погоней за бесполезной «полнотой», так как стилистическая принадлежность памятника такими бесцветными словами не определяется. Их место в полном словаре древнерусского языка.

На приготовление к изданию памятников, связанных с именем Даниила З., положено много труда и в особенности — времени. Тем не менее это издание производит странное впечатление: автор имел все средства, чтобы дать образцовое, академическое издание, все известные списки памятника, среди которых часть явилась в издании впервые; он располагал большою вспомогательною литературою и имел достаточно времени и усердия для выполнения своего задания. И все-таки в результате получилось нечто незаконченное, недоошенное; как бы мы ни были скромны в своих требованиях к его работе, единственным бесспорным достижением ее является напечатание всех списков полностью. Что же касается «обработки»,

того, что называется «приготовлением к печати», то одного подведения вариантов к одному избранному списку из других кажется нам слишком мало.

Не отрицая положительных качеств работы Н. Н. Зарубина, полагаем, что, если бы она перед сдачей в печать подверглась коллективному обсуждению, то много выиграла бы, конечно при условии, что автор принял бы к сведению указания специалистов.
